

Пик Чудотворца *

ЛУННЫЕ ГОРЫ

лес Дояя

Храм Солнца

Большая Прямая Дорога

Самаран

Аланди

Самаранский перевал

Ниянь

Гансунь

Пустыня Халакмарат

РЕКА ЦЗИНАНЬ

Летний дворец

ПОЮЩИЕ ГОРЫ

Агория

дворец шаньсэня

Северная Аланди

Осенний дворец

Весенний дворец

Зимний дворец

ТУРСКИЕ ГОРЫ

РЕКА ЛЭЯН

Порт-Кэмалан

море Шайцзинь

Балар

Королевство
Кията

Цзяпур

Забытые острова Лапзура

Шамбуские острова

океан Цуйянь

Однажды у меня была мама.

Она научила меня добывать нити из коконов шелкопрядов, которых мы растили на тутовых деревьях в нашем саду, и сматывать их в пряжу. Мама терпеливо промывала тысячи коконов, а затем мы наматывали тонкие нити на деревянные катушки. Заметив, как я ловко пряду своими крошечными пальцами шелк, словно лучи лунного света, она угоновила папу взять меня в подмастерья.

— Запоминай уроки отца, — сказала мне мама, когда он дал свое согласие. — Он лучший портной в Гансуне, и если будешь усердно учиться, однажды и ты станешь лучшей в своем деле.

— Да, мама, — послушно ответила я.

Пожалуй, если бы она тогда сказала, что девушки не могут быть портными, моя история сложилась бы иначе. Но увы.

Пока мама растила моих братьев — храброго Финлея, вдумчивого Сэндо и непоседливого Кетона, — папа учил меня резать, штопать и вышивать. Он натренировал меня видеть за рамками простых форм и линий, манипулировать тенями и уравновешивать красоту структурой. Заставлял меня рабо-

тать со всеми видами ткани, от грубого хлопка до роскошных шелков, чтобы я достигла мастерства и могла отличить их на ощупь. Если я пропускала хоть один стежок, папа приказывал начинать все сначала, и на своих ошибках я научилась разнице между хорошо сидящим и неподходящим нарядом. Что дырку, сделанную по неосторожности, можно зашить, но ткань не восстановить.

Без папиного обучения я бы никогда не стала императорским портным. Но именно мамина вера придала мне сил, чтобы я хотя бы попыталась испытать удачу.

По вечерам, когда наша лавочка закрывалась, мама втирала мазь в мои онемевшие пальцы.

— Папа слишком тебя нагружает.

— Я не против. Мне нравится шить.

Она приподняла мое лицо за подбородок, чтобы посмотреть мне в глаза. Что бы она там ни увидела, это вызвало у нее вздох.

— Ты и вправду вся в отца. Ладно, но запомни: портняжное дело не только ремесло, но и искусство. Сядь у окна, ощути свет, понаблюдай за облаками и птицами. — Мама замолчала, глядя за мое плечо на выкройки, которые я вырезала весь день. — И не забывай получать от этого удовольствие, Майя. Сшей что-нибудь и для себя.

— Но мне ничего не нужно.

Мама задумчиво наклонила голову. Поменяв догоревшие благовонные палочки у нашего семейного алтаря, взяла одну из трех статуэток Аманы, стоявших в ряд. Вырезали их без особой филигранности, лица и платья выгорели на солнце.

— Почему бы тебе не сшить три платья для нашей богини-матери?

У меня округлились глаза.

— Мама, я не могу! Они должны быть...

— ...Самыми прекрасными платьями в мире, — закончила она за меня. Затем взъерошила мне волосы и чмокнула в лоб. — Я помогу тебе. Мы придумаем их вместе.

Я уткнулась лицом в ее грудь и так крепко обняла, что у нее из горла вырвался звонкий смешок, подобный мягким звукам цимбал.

Я бы все отдала, чтобы снова услышать этот смех. Чтобы увидеть маму еще раз, коснуться ее лица и расчесать пальцами копну черных волос, которые волнами упали бы ей на спину. Помнится, как бы я ни старалась, мне никогда не удавалось соткать шелк столь мягкий, как ее волосы. Еще я помню, что в детстве думала, будто веснушки на ее щеках и руках — это звезды. Мы с Кетоном сидели у мамы на коленях, и пока я пыталась их посчитать, он пытался их стереть.

А какие мама рассказывала нам истории! Это она мечтала уехать из Гансуня, чтобы жить у моря. Мама рассказывала нам сказки, которые передавались в ее семье из поколения в поколение, — о бесстрашных моряках, морских драконах и золотой рыбке, исполнявшей желания, — сказки, которые Сэндо впитывал, как губка.

Мама верила в фэй и призраков, в демонов и богов. Она научила меня шить амулеты для странников, вырезать бумажную одежду, которую сжигали в знак уважения к предкам, рисовать знаки,

оберегающие от злых духов. Но больше, чем во все остальное, она верила в судьбу.

— Кетон говорит, что мне не суждено стать портным, как папа, — хныкала я, расплакавшись из-за жестоких слов брата. — Он говорит, что девочки могут быть только швеями, и если работать слишком много, у меня никогда не будет друзей, и ни один мальчик не захочет на мне...

— Не слушай своего брата, — перебила мама. — Он не понимает, какой у тебя дар, Майя. Пока нет. — Она вытерла мои слезы краем рукава. — Важно другое: ты сама хочешь стать портнихой?

— Да, — пропищала я. — Больше всего на свете. Но я не хочу быть одинокой!

— И не будешь, — пообещала она. — Это не твоя судьба. Портные связаны с судьбой больше всех остальных. Знаешь, почему?

Я задумалась.

— Папа говорит, что с каждым стежком его работа оживает.

— Да, но это еще не все. Портняжное ремесло уважают даже боги. В нем есть что-то волшебное. Даже обыкновенная нить обладает большой силой.

— Силой?

— Я рассказывала тебе о нити судьбы?

Я покачала головой.

— Каждый человек связан с кем-то — с тем, кому предназначено быть с нами и делать нас счастливыми. Я связана с папой.

Я осмотрела свои запястья и щиколотки.

— Я не вижу никакой нити.

— Ее нельзя увидеть, — мама тихо рассмеялась. — На это способны лишь боги. Твоя нить может быть длинной, тянуться через горы и реки. Возможно, пройдут годы, прежде чем ты найдешь ее конец. Но ты сразу поймешь, когда встретишь нужного человека.

— А вдруг ее кто-то перережет? — забеспокоилась я.

— Ее ничто не может нарушить, поскольку судьба — это крепчайшая клятва. Вы будете связаны друг с другом, что бы ни произошло.

— Так же, как я связана с тобой, папой и Финлеем? И Сэндо?

Я злилась на Кетона, так что на нашу с ним связь мне было начхать.

— В некоторой степени, но чуть-чуть по-другому. — Мама ласково коснулась пальцем моего носа. — Однажды ты поймешь.

В ту ночь я взяла моток красной нити и привязала отрезок к своей лодыжке. Мне не хотелось, чтобы братья увидели и начали глумиться надо мной, поэтому я спрятала нить под штаниной. Но чувствуя, как мой секрет щекочет мне лодыжку при ходьбе, я невольно гадала, узнаю ли я, если встречу человека, с которым мне суждено быть. Нить затянется туже? Растянется и переплетется со своей второй половинкой?

Я не снимала ее месяцами. Мало-помалу нить изнашивалась, но не моя вера в судьбу.

Пока судьба не забрала у меня маму.

Она подкрадывалась медленно, в течение многих месяцев, как к кипарису у нашей лавочки. Каждый день с его тонких веток слетали листья — поначалу

всего несколько, но с приближением осени все больше и больше. А затем, одним утром я проснулась, а все ветки были голыми. И нашего кипариса не стало — по крайней мере, до весны.

Мама не могла ждать до весны.

Ее осень началась с легкого кашля, который она всегда скрывала улыбкой. Она забывала добавить капусту в любимые пирожки со свиной Филея, забывала имена героев из сказок, которые рассказывала нам с Сэндо перед сном. Даже позволяла Кетону выигрывать в карты и давала ему слишком много денег на прогулки на рынок.

Я не придавала этим оплошностям особого значения. Мама бы нам рассказала, если бы плохо себя чувствовала.

Затем, одним зимним утром, как раз когда я закончила украшать статуэтки Аманы тремя платьями — из солнца, луны и звезд, — мама потеряла сознание на кухне.

Я потрясла ее за плечи. В то время я была еще маленькой и с трудом смогла поднять ее голову себе на колени.

— Папа! — закричала я. — Папа! Она не приходит в себя!

Тем утром все изменилось. Вместо того, чтобы обращаться к предкам с пожеланиями хорошей загробной жизни, я молилась, чтобы они пощадили маму. Я молилась Амани — трем статуэткам, которые сама разукрасила и придела, — чтобы она позволила ей выжить. Чтобы мама смогла увидеть, как мы с братьями вырастем, и не оставила отца, который так ее любил, в одиночестве.

Каждый раз, когда я закрывала глаза и представляла будущее, я видела свою семью всем составом. Видела маму рядом с папой, как она смеялась и дразнила нас умопомрачительными ароматами своей стряпни. Видела братьев вокруг себя — Финлей напоминал мне, чтобы я сидела ровно, Сэндо украдкой подсовывал мне еще один мандарин, а Кетон дергал меня за косички.

Как же я ошибалась.

Мама умерла за неделю до моего восьмого дня рождения. В день праздника я сшила для семьи белую траурную одежду, которую мы носили последующие сто дней. В тот год зима выдалась особенно холодной.

Я срезала ниточку со своей лодыжки. Видя, каким разбитым выглядел отец без мамы, я не хотела быть связанной с человеком и переживать подобную боль.

Шли годы, моя вера в богов слабела, и я перестала верить в магию. Я отреклась от своей мечты и вложила все силы в то, чтобы скрепить нашу семью, чтобы быть сильной для папы, братьев и для самой себя.

Каждый раз, когда крупинцы счастья просачивались и заполняли трещины в моем сердце, судьба вмешивалась и напоминала мне, что от своей участи не уйти. Судьба забрала мое сердце и раз за разом уничтожала его: когда умер Финлей, затем Сэндо, и когда Кетон вернулся со сломанными ногами и призраками в глазах.

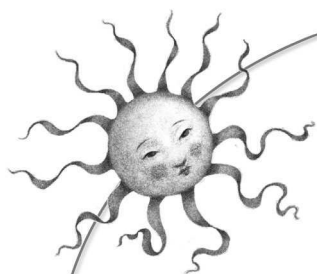
Прошлая Майя подбирала ошметки своего сердца и сшивала их. Но я уже не та девушка.

Теперь, когда судьба достигнет меня, я встречу ее лицом к лицу и подчиню себе.

Теперь у меня нет сердца.

ЧАСТЬ 1

СМЕХ СОЛНЦА

ГЛАВА 1

Осенний дворец освещали тысячи красных фонариков, висящих на столь тонких веревочках, что казалось, будто это воздушные змеи, перелезающие с крыши на крышу. Я могла бы всю ночь смотреть, как они танцуют на ветру и окрашивают сумерки теплым сиянием, но мою голову занимали другие мысли. Ведь под этим морем покачивающихся фонариков находилась площадь Полной Гармонии, и на ней готовились к императорской свадьбе.

Все было оформлено в красных тонах в честь женитьбы императора Ханюцзиня на леди Сарнай. Этот вид должен был бы радовать глаз. Я усердно трудилась и многим пожертвовала ради мира в Аланди, который наконец наступит благодаря их союзу.

Но я уже не та Майя, что прежде.

Алые дворцовые ворота со скрежетом открылись, и я протолкнулась через толпу слуг, чтобы увидеть свадебную процессию. Во главе должен был идти отец леди Сарнай, шаньсэнь. Я хотела взглянуть на мужчину, который выпотрошил мою страну изнутри, чья война забрала двух моих братьев, и чье имя вызывало трепет даже у зрелых мужчин.